

УДК 94 (47).085

Т. А. Мищенко

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ
ТРУДЯЩЕЙСЯ ЖЕНЩИНЫ В СССР КАК ФАКТОР
ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНОГО ЛИДЕРСТВА
(1960-е – начало 1980-х гг.)**

Автор статьи рассматривает изменения социальных ролей советской женщины в семье под влиянием производственного труда и приходит к выводу о диспропорции в бюджете времени домашнего труда женщины и мужчины. Акцентируется внимание на сочетании множества ролей работающей женщины с детьми и на процессе трансформации семейного лидерства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: изменение ролей женщины, профессиональный труд, «двойная занятость», семейное лидерство, гендерные привилегии.

Для советской истории период 1960-х – начала 1980-х гг. является временем массового вовлечения женщин в общественное производство. Так, в общей численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, в 1979 г. было занято 57,7 млн женщин по сравнению с 2,8 млн в 1928 г., в 1980 г. женщины составляли 51% всех занятых по сравнению с 24% в 1928 г. [4, 70]. В составе трудовых ресурсов страны в изучаемый период удельный вес женщин был столь значителен, что без них уже невозможно было представить нормальное функционирование всех отраслей народного хозяйства.

Профессиональный труд женщин оказал определенное влияние на различные сферы социальной жизни, в том числе на семью и брак. Желание советских женщин совместить базовые ценности – иметь семью и интересную работу – не только поднимало общественный престиж женщины, но и резко повышало роль женщины в семье, в быту. Гендерная культура веками воспроизводила иерархические неравные подчиненные отношения между мужчинами и женщинами. Как в общественной, так и в семейной жизни «патриархальный уклад» обозначал институционализацию власти мужчин над женщинами в сферах экономики, политики, ведения семейных дел. За два десятилетия 1960-х – начала 1980-х гг. произошло существенное изменение установок трудящихся женщин на распределение ролей и функций в семье, что предполагает актуальность исследования трансформации семейного лидерства в связи с профессиональной деятельностью женщин.

Советская исследовательская традиция изучения ролевой динамики в брачно-семейных отношениях сформировалась под влиянием идеологической установки о планомерности и сознательном характере этого процесса в социалисти-

МИЩЕНКО Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского (E-mail: mta-post@yandex.ru).

© Мищенко Т. А., 2010

ческом обществе, итогом которого выделось социально-экономическое и нравственное преобразование советской семьи.

Процесс изменения характера семейно-бытовых ролей женщины и мужчины стал основным предметом исследования З. А. Янковой [25; 26]. В социологическом исследовании, проведенном в 1973–1974 гг. в Москве, З. А. Янкова приходит к заключению, что если авторитарный характер семьи в прошлом предполагал жестко закрепленное, нормативное распределение обязанностей и ролей членов семьи, осуществление руководящих функций исключительно мужем – «главой» и подчиненное положение жены и детей, то для новой семьи, напротив, характерен процесс формирования хозяйственной кооперации, более гибкое, менее авторитарное распределение обязанностей, в том числе и руководителя и организатора жизни семьи [28, 85].

Авторы социально-демографического исследования проблем семьи А. Г. Харчев и М. С. Мацковский связывали изменения социальных ролей в семье, установок и мотивов ожидания супругов с социально-экономическими факторами [23]. В. А. Сысенко на обширном статистическом материале рассматривал положение женщины в семье, связывая проблему удовлетворенностью супружеской жизнью с наличием или отсутствием разделения труда в семье [20]. В середине 1970-х гг. актуальность приобретает изучение в возрастном аспекте проблем профессиональной занятости и ее совмещения с другими социальными функциями женщины [24, 59–64].

В 1990 г. было опубликовано исследование М. Г. Панкратовой «Сельская женщина в СССР», где автор охарактеризовала трудности положения женщины в сельской семье, в том числе указывая, что «освобождение женщины от многих трудоемких домашних дел – единственный реальный путь к улучшению семейных отношений, к созданию возможностей для женщины эффективно сочетать ее семейные и производственные обязанности» [16, 5]. Таким образом, советские исследователи проблем семьи и брака связывали трансформацию ролей женщины в семье с ее участием в общественном производстве и прогнозировали в дальнейшем полный распад патриархальных властных отношений в семье.

Современные исследователи гендерного равенства и семейного лидерства приходят к выводу, что «равенство полов лишь формально защищает женщину. Фактически же создает дополнительные проблемы и двусмысленность в общественном развитии» [18, 241]. В анализ причин политического, экономического и культурного неравенства между полами внесли свой вклад исследователи проблем социальных ролей мужчины в современном обществе Р. Г. Фасхиев [22] и С. А. Орлянский [15].

Экономисты включили в анализ деятельности домохозяйств проблемы социо-полового неравенства и исследуют время как затратный фактор благосостояния [10, 74–81], распределение профессиональных и семейных ролей как разновидность социального контракта [8].

Для объяснения устойчивости гендерного неравенства в распределении домашнего труда используются два типа моделей: институциональная модель экономического обмена, в которой домашний труд (как правило, женщин) предлага-

ется в обмен на материальную поддержку (как правило, мужчин) [30] и альтернативная модель «гендерного дисплея», в которой гендерные отношения регулируют символические проявления феминности и маскулинности через жесткое разделение ролей в домохозяйстве [29]. И. Е. Калабихина указывает на жизнеспособность обеих концепций в российском обществе [9]. Таким образом, современное общество приходит к выводу о необходимости переоценки ценностей в вопросе равенства полов, выдвигая идеи институционализации гендерных ролей, «гендерного дисплея», трансформации гендерного конструкта.

Новые идеи эгалитарного равенства или гендерной гармонии требуют обращения к социально-историческому анализу периода 1960-х – начала 1980-х гг., когда новые условия совмещения производственных и семейных функций советскими женщинами во многом определили трансформацию семейных ролей и семейного лидерства.

Профессиональная деятельность высоко оценивалась женщинами, и подавляющее большинство из них не представляли себя вне участия в общественном производстве. Об этом свидетельствуют данные опроса замужних женщин, имеющих двоих детей. Отвечая на вопрос «Если Ваш муж будет один зарабатывать столько, сколько вы получаете оба, то согласились бы Вы совсем не работать?» согласились бы совсем оставить работу 22% женщин [20, 76]. Только 9% женщин решились бы совсем оставить работу ради воспитания детей [20, 77]. По-видимому, профессиональный труд женщины стал средством достижения равноправия с мужчиной. Работающая женщина становилась независимой от мужчины, и ее мнение в семейных решениях звучало гораздо весомее.

Однако большое значение для женщины продолжала иметь семья и семейный образ жизни. Так, выборочные социологические исследования, проведенные под руководством З. А. Янковой в 1972–1975 гг. в ряде крупных (Москва, Ленинград), средних (Пенза, Махачкала) и мелких (Егорьевск, Дубна) городов и охватившее несколько тысяч советских женщин, свидетельствуют о том, что семейный образ жизни составлял важнейшую для них ценность. На вопрос «С чем ассоциируется у них счастье?» 96% женщин ответили: «С любимой профессией и семьей». На вопрос «Какие роли они считают для себя наиболее значимыми – профессиональные, общественно-политические или семейно-бытовые?» 80% женщин дали однозначный ответ: «И те, и другие, и третьи» [28, 82].

Сочетание в женских ценностных ориентациях семьи и профессионального труда приводило к трудовым перегрузкам женщин. Большинство респонденток отмечали, что выполнение бытовых обязанностей требует больше физических и нервных затрат, чем профессиональный труд [27, 48]. Эту проблему отмечали и исследователи правовой защиты советской женщины: «Пока же часто бывает так, что те же преимущества, которые представляются женщине советским правом для благоприятного совмещения функций работницы и матери, значительно теряют свою эффективность из-за бесчисленных бытовых забот. Вместо того, чтобы после рабочего дня заняться повышением своего культурного уровня, почитать книгу, уделять больше внимания воспитанию детей, работница, как заметила секретарь ВЦСПС Т. Н. Николаева, прямо из ворот проходной идет по магазинам и предприятиям службы быта» [21, 130].

Изучение бюджетов рабочего и свободного времени, проведенное РСУ РСФСР в 1960-е гг., определило рабочий день домохозяйки в 12 часов 48 минут в день [19, 50]. У замужней работающей женщины-матери объем работ в принципе был тот же самый, но выполнять его надо было за время в 2–3 раза меньше. Данные обследований бюджетов времени, проведенных в Киеве в 1972 г. показали, что с увеличением в семье детей значительно возрастают все виды домашнего труда, причем они зависят и от возраста детей. Уход за детьми до 1 года и ведение домашнего хозяйства занимали у женщин ежедневно 7,7 ч, у женщин с ребенком от 1 года до 6 лет – 5,7 ч, имеющих одного ребенка в возрасте от 6 лет до 10 лет – 4,1 ч [20]. Таким образом, затраты времени на домашнюю работу у женщин-работниц дифференцировались в зависимости от возраста детей. В Литве в 1967 г. было проведено обследование среди 604 работниц на электромеханическом заводе «Эльфа» в Вильнюсе. Более половины работниц (59,2%) были младше 35 лет, 66,1% женщин имели детей до 14 лет. По подсчетам Н. В. Пановой, работница на заводе «Эльфа» тратила на домашнюю работу в среднем от 3 до 6 часов ежедневно [17]. В результате общая трудовая нагрузка на женщин удваивалась. В связи с этим особое значение приобретала проблема рационального разделения и кооперации домашнего труда.

Однако в советском обществе привычный стереотип, согласно которому жена должна была выполнять всю домашнюю работу, оказался очень живуч. Подобная ситуация в разделении труда была свойственна на протяжении веков патриархальной семье, в которой обязанности мужа и жены были жестко закреплены по двум причинам: во-первых, жена не работала вне дома, во-вторых, помимо женских ролей и обязанностей существовали мужские роли и обязанности, в которые входила тяжелая физическая работа по дому, а еще раньше – защита от внешней опасности.

В то время как объем и характер домашнего труда женщин со временем почти не менялся, объем и характер домашних обязанностей мужчин претерпели весьма существенные изменения. Сначала отпала необходимость в защите семьи и жилища, а для семьи в индустриальном обществе все меньшей была и потребность в выполнении тяжелых физических работ. Таким образом, от традиционных мужских видов хозяйственно-бытовой деятельности мужчина почти полностью освободился, но другие домашние обязанности, определяемые традиционно как женские, не стремился освоить. Следует оговорить, что подобная ситуация была характерна прежде всего для городов, в сельской местности, как указывает М. Г. Панкратова, «бытовая деятельность сельской семьи значительно больше, чем городской. Здесь и обработка приусадебных участков, уход за домашними животными, заготовка кормов для них всевозможный ремонт. Такая работа считается традиционно мужским занятием. В сельской местности теснее связи между поколениями и чаще наблюдается взаимопомощь мужчин и женщин» [16, 73].

Социологические исследования, проведенные в СССР, свидетельствовали о неравномерности распределения нагрузки в быту между мужем и женой. Данные Б. М. Левина подтверждают общий вывод социологов и экономистов о средних затратах на домашний труд не менее 3 часов ежедневно, что в 3,5 раза больше мужского вклада в различные виды домашней работы. [12, 7] По подсчетам Л. А. Гордон

и Е. Б. Груздевой, у женщин-работниц с несовершеннолетними детьми продолжительность домашнего труда составляет 35 часов 45 минут в неделю, а у мужчин 13 часов 25 минут (разница составляет 2,6 раз) [5, 37].

Социолог Б. М. Бестужев-Лада в публицистической форме попытался определить трудовой вклад в семейные хлопоты каждого из супругов утром рабочего дня: «Рабочая семья в будни поднимается рано – в шестом-седьмом часу утра. Мать становится за плиту и начинает готовить горячий завтрак. Муж в добродородной семье по мере сил и возможностей помогает жене, прибирая постели, умывая и одевая малолетних ребят, накрывая на стол... А если муж в это время досыпает последний сон или читает в газете хорошую статью о правильном воспитании детей? Тогда утренний двухчасовой “рабочий день” женщины-матери по своей напряженности и сложности уподобляется труду диспетчера во время аварийной ситуации» [3, 33]. Заканчивая описание семейного рабочего дня, автор восклицает: «А можно ли, положив руку на сердце, сказать, что у нас уже сейчас в типичной семье муж по справедливости делит с женой ее 5–6 часов ежедневного домашнего труда, добросовестно помогает ей во всем?» [3, 35].

Приведенные данные резкого различия в распределении затрат времени на домашний труд и выполнение новых семейных ролей у женщин-работниц с несовершеннолетними детьми подтверждаются также другими исследованиями. В. Т. Лисовский обнаружил на страницах газеты «Известия» следующий пример: «В детском саду была предложена “игра”. Малышам дали множество цветных картинок, изображающих предметы домашнего обихода: кастрюли, телевизор, молоток, тарелки, кресло, мясорубка, иголка, газета, пылесос, сумка-“авоська” с продуктами и просили их отобрать “папины картинки” и “мамины картинки”. И сразу все стало ясно. Для папы многие малыши составили “джентльменский набор”: телевизор, газету, кресло, тахту, иногда молоток и гвозди. Мамам доставалось все остальное: кастрюли, тарелки, пылесос, мясорубка, “авоська” и прочее» [13, 212]. В целом исследование бюджетов времени, расходуемого на домашний труд, указывает на сохранение объема домашних обязанностей женщин, несмотря на развитие механизации домашних работ и совершенствование системы бытового обслуживания, характерных для указанного периода. Причины сохранения диспропорций связаны с изменившейся структурой деятельности женщины в быту. Если в семье патриархального типа обязанности женщин по дому ограничивались преимущественно обслуживанием членов семьи, то под влиянием изменений в советском обществе у женщины, наряду с традиционными обязанностями, появились новые, требующие дополнительных сил, знаний, определенного уровня культуры и увеличивающие общий объем затрат вне рабочего времени. Это роль воспитательницы детей, включающая функции первичной социализации детей, контроля за их занятиями, посещение детских учреждений. Женщины стали в большей мере выполнять организацию досуга семьи, вырабатывать семейные ориентации, формировать психологическую атмосферу взаимопонимания в семье. Одна из работающих женщин так определила свой ролевой набор: «На производстве я технолог и член профкома. А дома – мать и воспитательница, повариха и уборщица, медсестра и санитарка, прачка и секретарь мужа» [1, 78].

В опросе, проведенном В. Г. Алексеевой в 1977 г. среди школьников 8–10 классов Москвы на вопрос «Кто является вашим авторитетом?» были получены следующие данные:

- в решении вопросов, связанных с учебой и общественной деятельностью: мать – 63,8%, отец – 22,5%;
- в решении вопросов, связанных с выбором друзей: мать – 44,5%, отец – 16,7%;
- при оценке прочитанных книг, произведений искусства, теле- и радиопередач: мать – 31,6%, отец – 27%;
- при выборе профессии: мать – 60%, отец – 37,4% [23, 100].

Результаты опроса свидетельствуют о более высоком авторитете матери у подростков, что связано, скорее всего, с деятельным участием женщин в жизни детей, новой ролью воспитательницы, советчика. Свой авторитет воспитателя советские женщины связывали прежде всего с трудом в системе общественного производства: «Как ни парадоксально это звучит, но именно занятость женщин производственными и общественными делами помогает им лучше воспитывать детей. Как показывают социологические исследования, работающая женщина с ее трудолюбием, широким кругозором, богатым знанием жизни служит лучшим примером своим детям, вызывает у них восхищение, желание подражать ей во всем» [ГАРФ. Ф. 7928. Оп. 3. Д. 3672. Л. 14].

Возникающее противоречие между выполнением старых и новых семейных ролей женщине необходимо было разрешать в условиях недостаточной механизации домашних работ и сохранившихся стереотипных взглядов на труд в семье как «женские обязанности». Решением становилась оптимизация быта с помощью различных видов планирования – от количества детей в семье, что вызвало проблему снижения рождаемости, до семейного бюджета и распределения времени. В условиях отсутствия института частной собственности приватная сфера семьи в советском обществе приобретала особое значение, а преобладание в этой сфере роли женщины определяло заявку на семейное лидерство. Уже в прошлом был деспотизм главы семьи, вершившего судьбы и самостоятельно принимавшего все ответственные решения. Среди качеств, дающих право на лидерство, смещались акценты: руководил не обязательно тот, кто материально обеспечивал, так как оба супруга вносили вклад в семейный бюджет. В материалах двустороннего коллоквиума бельгийских и советских женщин на тему «Условия, необходимые для сочетания женщинами производственных и семейных обязанностей» содержатся высказывания представительниц СССР о браке: «Замужество перестает служить для нас средством материального обеспечения и единственной дорогой к “положению в обществе”. В муже женщина видит не кормильца, а любимого друга, товарища, отца ее детей. Да и понятие “главы семьи” в большинстве семей применяется в одинаковой мере для обозначения роли как мужчины, так и женщины» [ГАРФ. Ф. 7928. Оп. 3. Д. 3672. Л. 15].

В исследовании Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной так характеризовалась специфика доминирования женщины: «Роль женщины в советском обществе напоминала ее роль в традиционных аграрных культурах, где гендерная роль

традиционна, но важна настолько, что зачастую такую гендерную систему называют матриархатом. Традиционная советская «кухня» – сфера женского доминирования» [7, 88]. Привычный стереотип, согласно которому только жена должна выполнять обязанности по дому и сохранять при этом второстепенное положение в семейной иерархии разрушался прежде всего в сознании женщин. Изменялся психологический тип личности, ее потребности, желания, интересы. Женщины выдвигали довольно высокие требования к своему избраннику, ожидая от мужчин надежности, любви к детям, мягкости, переживаний, покладистости. Так, в исследовании В. А. Сысенко 225 женщин, из которых 52,9% имели среднее, среднее специальное, неполное среднее и начальное образование, а 47,1% – незаконченное высшее и высшее образование, ответили на вопрос «Как часто случается Вам критиковать мужа при посторонних, знакомых, друзьях, родственниках?» Только 31% женщин ответили, что им не случается критиковать мужа при посторонних, в группе с образованием от начального до среднего специального критиковали мужа с различной частотой 58,7%, в группе с высшим и незаконченным высшим – 65,6% женщин [20, 61]. Многие исследователи обращали внимание на то, что степень удовлетворения женщины браком зависела от участия мужа домашнем хозяйстве.

По данным Э. С. Новиковой, В. С. Языковой, З. А. Янковой, в семьях, где домашние обязанности целиком или почти целиком выполняла жена, только 21,6% женщин оценивали свой брак как счастливый, а более 40% – как неудачный, то в семьях, где оба супруга несли одинаковую нагрузку, счастливых браков было 60,8%, а неудачных – лишь 5,6% [14, 69].

Трансформацию гендерного лидерства в семье в связи с распределением бытовой нагрузки и появлением новых ролей женщины можно проследить при анализе четырех типов семей, которые в своем исследовании 1973–1974 гг. обобщила З. А. Янкова [28, 86–87]. Автором было организовано выборочное социологическое исследование в крупном городе (Москва), среднем (Пенза) и малом (Егорьевск) методом районирования случайной выборки. Было выявлено, что для первого типа семей характерно наличие главы семьи – мужа, который сохраняет все руководящие и контрольные функции в семье, за женой закреплены функции обслуживания семьи. Для второго типа семей характерно формальное сохранение авторитарных норм, однако фактически женщина все чаще контролирует поведение детей, приобретение крупных покупок, организацию досуга. Женщина в семьях этого типа начинает непосредственно влиять на процесс значимых для семьи решений. Для третьего типа семей специфичны новые нормы равенства в семье при сохранении пережитков авторитарных отношений. Жена в таких семьях считает обычно недопустимым участие мужа в повседневной хозяйственной деятельности, мотивируя это тем, что это «не мужская работа». Все решения жены обретают реальное воплощение лишь после «разрешения мужа», т. е. его формальной санкции. В семьях четвертого типа наблюдалось наиболее полное осуществление хозяйственной кооперации, взаимопомощи, взаимоподдержки. В семьях этого типа женщины выполняли не только функции обслуживания, но и организации и управления. Автор отнесла большинство

опрашиваемых семей в каждом из городов к четвертому типу и указала, что составляют эти семьи молодежь и лица среднего поколения, активно участвующие в профессиональной и общественно-политической жизни [28, 88].

Из сказанного следует вывод о структурных изменениях в советской семье, связанных с перераспределением функций и ролей, через смену поколений. Идеи эгалитарной семьи и возможности трансформации семейного лидерства прижились в молодых семьях, вступавших в брак из потребности в любви, дружеском общении, взаимопомощи.

Однако не следует представлять приобретение супругами новых ролей и трансформацию семейного лидерства как линейный процесс, который завершился формированием эгалитарной семьи или семьи с лидером-женщиной, передавшей мужчине прежние бытовые функции. В исследовании ПРООН отмечается: «Мужчины играют самые различные роли в экономике, семье, местном сообществе. Они – мужья и отцы, братья и сыновья. И сквозь все различия, будь то классовые, расовые, этнические, сексуальные, возрастные, религиозные, проходит одна черта, их объединяющая, – их гендерные привилегии» [6].

Более глубокий анализ отношения мужчин и женщин к распределению домашнего труда вскрывает разницу отношения к подобной работе. В перечисленных исследованиях указывается, что мужчины «помогают» или «не помогают» женщинам в быту. Термин «помогать» указывает на добровольный характер этой деятельности, которая выглядит как временная нагрузка, от которой в любой момент можно отказаться, известная уступка, тогда как женщина считает домашний труд своим долгом. По мнению Х. Хартман, «мерилом мужской власти является их свобода от домашнего труда и семейных обязанностей» [30, 137]. «Несостоявшееся лидерство» женщины в семье можно объяснить как с позиций экономического обмена (в 1960–80-х гг. работающие женщины в СССР получали 65–79% от заработка мужчин, соответственно выполняли больше домашней работы [11]), так и в соответствии с моделью «гендерного дисплея». Стремясь к гендерно-компенсаторному поведению, мужчины выполняли тем меньше домашней работы, чем в большей степени они зависели от женщин. Таким образом, женщины были менее удовлетворены семьей, но более на нее ориентированы, чем мужчины. И здесь нельзя не согласиться с точкой зрения А. И. Антонова: «Со второй половины XX века наше общество продолжало эксплуатировать остатки ценностно-нравственного капитала семейности, доставшегося в наследство еще с досоветского времени» [2, 149].

Преобладание в ориентациях женщины ценностей семьи позволяло сохранять гендерные асимметрии в семейных ролях и функциях, которые трансформировали семейное лидерство через появление у женщин возможности принимать решения, планировать бюджет, отдых семьи, отвечать за воспитание детей, но при формальном лидерстве в семье мужчин, обладавших гендерными привилегиями на присвоение труда женщин.

1. Андрюшкявичене Я. Женский труд и проблема свободного времени // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970.

2. Антонов А. И. Социологические проблемы кризиса российской семьи // Тез. Первого всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб., 2000.
3. Бестужев-Лада И. В. Семья вчера, сегодня, завтра... М., 1979.
4. Вестник статистики. 1981. № 1.
5. Гордон Л. А. Груздева Е. Б. Быт молодой семьи // Молодая семья. Народонаселение. Вып. 18.
6. Грейг А. Киммель М. Ланг Дж. Мужчины, типы маскулинности и развитие личности: расширяя возможности гендерного равенства [Электронный ресурс]. URL: //www.un.by/pdf/-6605.pdf.
7. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Мат-лы Первой Рос. летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96». М., 1997.
8. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / Центр независимых социальных исследований. СПб., 1996.
9. Калабихина И. Е. Социальный пол и проблемы населения. М., 1995.
10. Караханова Т. М. Ценностные ориентации работающих женщин и использование времени // Социс. 2006. № 3.
11. Курганов И. А. Женщины и коммунизм. Нью Йорк, 1968 [Электронный ресурс]. URL: // http://www. a-z.ru/women/texts/kurganr-3.htm#)
12. Левин Б. М. Мотивация труда и семейно бытовые отношения. М., 1970.
13. Лисовский В. Т. Что значит быть современным. М., 1983.
14. Новикова Э. С., Языкова В. С., Янкова В. А. Женщина. Труд. Семья (социологический очерк). М., 1978.
15. Орлянский С. А. Трансформация образа мужчины в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.
16. Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990.
17. Панова Н. В. Вопросы труда и быта женщин // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970.
18. Перевышин Н. В. Гендерная симметрия или гармония полов: что нужно и как этого достичь? // Гуманитарное образование и социальный контекст. СПб., 2007.
19. Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967.
20. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М., 1981.
21. Толкунова В. Н. К вопросу о равенстве женщин в труде и быту при социализме // Советское государство и право. 1969. № 10.
22. Фасхиев Р. Г. Трансформация мужского гендерного конструкта в современных российских условиях : дис. ... канд. соц. наук. 22.00.06. Екатеринбург, 2001.
23. Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы (социально-демографическое исследование). М., 1978.
24. Чередниченко Г. А. Молодая женщина: работа и материнство// Рабочий класс и современный мир. 1979. № 4.
25. Янкова З. А. О бытовых ролях работающей женщины (к проблеме осуществления фактического равенства женщины с мужчиной) // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970.
26. Янкова З. А. Изменение структуры социальных ролей женщин в развитом социалистическом обществе и модель семьи. Доклад на XII МСИС ССА, ИКСИ АН СССР. М., 1972.
27. Янкова З. А. Развитие личности женщины в советском обществе // Социологические исследования. 1975. № 4.

28. Янкова З. А. Советская женщина (социальный портрет). М., 1978.
29. Brines J. Economic dependency, Gender, and the Division of Labor at Home // American journal of Sociology, vol. 100, № 3 (November 1994).
30. Hartman H. Capitalism, patriarchy and job segregation by sex. Signs, 1976.

Статья поступила в редакцию 07.12.2010 г.

УДК 008 + 392.1 + 398.22 + 801.81

С. В. Глазко

РИТУАЛ КАК КЛЮЧЕВОЕ ЯВЛЕНИЕ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье говорится об основной поведенческой форме обрядовой практики – ритуале. Делается акцент на основных свойствах, качествах и признаках ритуала, отличающих его от иных стереотипных действий. Также автор подчёркивает единство ритуала как неотъемлемой части мифологического мышления и самого мифа.

Ключевые слова: ритуал, традиция, миф, символ, архаическая культура, мифологическое мышление.

Любое общество, любой коллектив как целое не может существовать без культуры, поскольку она является не «бесплатным приложением», довеском к минимуму жизненных условий, а по выражению И. И. Земцовского, «деятельностно-практическим единством человека с природой и обществом» [5, 157]. Ритуальная культура проявляет себя как органичная часть мифологического мышления.

В наши дни наблюдается всё более возрастающий интерес к мифологии, являющейся культурным наследием человечества. Такая заинтересованность связана прежде всего с вопросами миропонимания, попытками осмысления картины мира той или иной культурной традиции.

Миф – это один из продуктов произвольной деятельности первобытного сознания, где в фантастической форме переосмыслено реальное бытие архаического коллектива, его «отношение с природным и животным миром, с собственной сущностью, с миром предков и живущими рядом соседями. Миф выступает как интерпретация мира, как способ магического воздействия» [3, 19].

Подчёркивая единство мифа и ритуала, В. Н. Топоров отмечает, что они «отражают важнейший переход от природного и биологического к культурному и социальному» [7, 44]. Не вдаваясь в дискуссию по поводу первичности одной категории в отношении другой, отметим, что миф может толковать, мотивировать, санкционировать обряд (ритуал), быть его элементом (как, впрочем, и существовать независимо). Но только в обряде происходит «воспроизведение мирового закона и выстраивание элементов мифа в соответствии с этим законом» [4, 190].

ГЛАЗКО Светлана Викторовна – аспирант Благовещенского государственного педагогического университета (E-mail: seda06@mail.ru).

© Глазко С. В., 2010